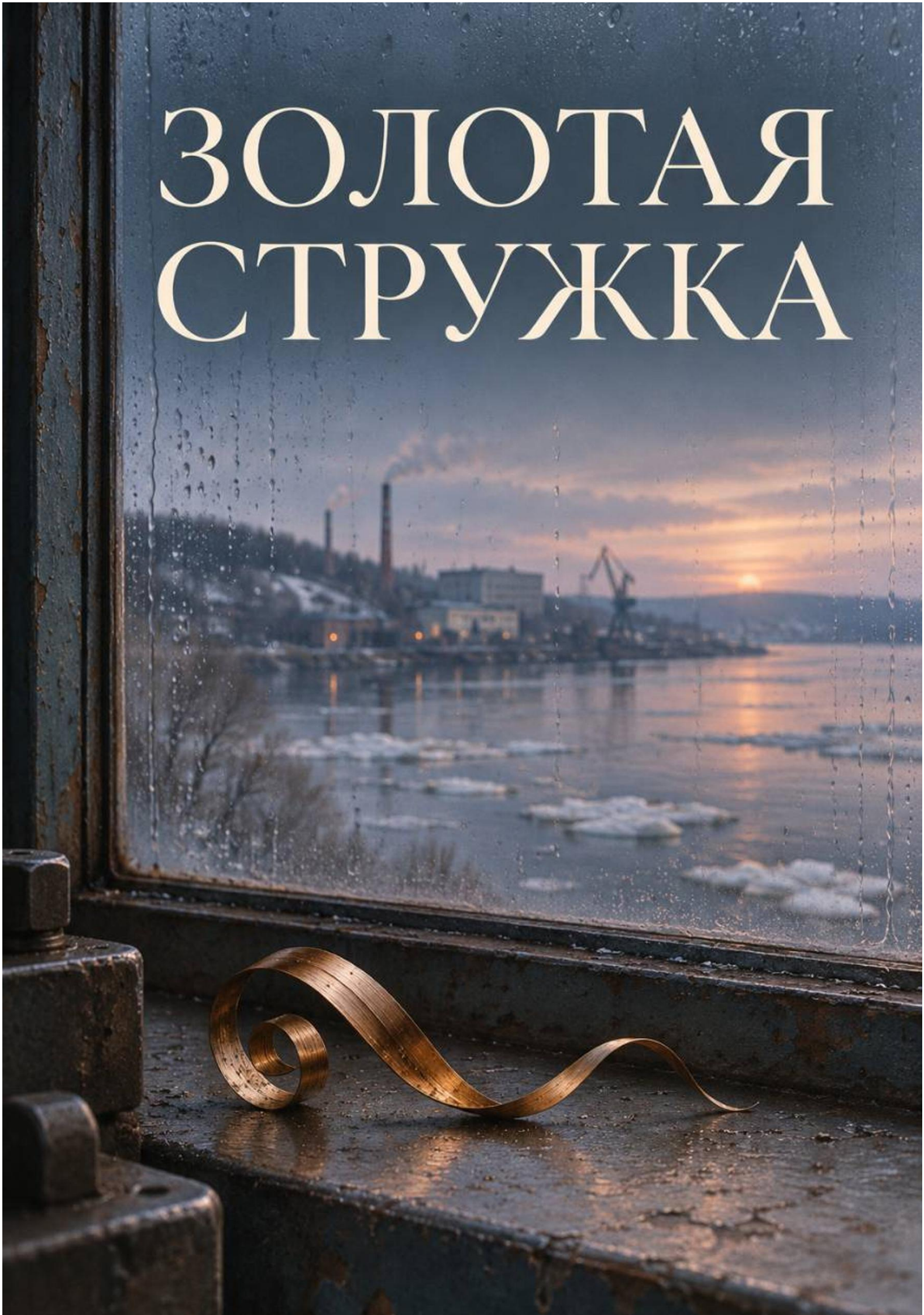

ЗОЛОТАЯ
СТРУЖКА

Максим Митин

Золотая стружка

«Автор»
2026

Митин М.

Золотая стружка / М. Митин — «Автор», 2026

Когда на завод в Верхнекамске приходит большой заказ, у начальника четвёртого цеха Павла Громова впервые за много лет появляются деньги. Его сын Максим тоже находит работу — на складе отцовского одноклассника. Вскоре Павлу предлагают расписаться за груз, которого никто не видел. А после аварии в ночной смене ему приносят ещё одну бумагу. На этот раз от подписи зависит, кого назовут виновным.

© Митин М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Третья смена 5
Глава 2. Ценник на витрине 12
Глава 3. Ставка на чугун 19
Конец ознакомительного фрагмента. 26

Максим Митин
Золотая стружка

Глава 1. Третья смена

Октябрь 2024 года

Гудок дали, когда Павел сидел на кухне в одном ботинке и вынимал из второго куриную кость. Кость была чистая, белая, с двумя круглыми набалдашниками. Собака с квартиры напротив таскала к ним на коврик всё, чего не доела за ночь. Своей двери у соседей она побаивалась: там на неё трижды уронили самокат.

— Отдай хозяйке, — сказала Людмила.

— Кому из двух?

Она постелила ему под ногу газету. По телевизору без звука двигались рты. С тех пор как вернули гудок, часы на кухне стали врать на восемь минут. Павел проверял по телефону: врали именно часы, хотя весь дом был убеждён, что это на завод взяли человека, который не умеет гудеть.

Фотография сына на холодильнике была майская. За лето Максим вырос из куртки и из этой фотографии. Только рюкзак всё ещё годился.

— Ты к шести? — спросила Людмила.

— А что к шести?

— Нам надо сесть.

— Ко мне кто-то придёт?

— К тебе мы придём. Я и твой сын, если успеем очередь занять.

Она стояла босиком в тёмной шерстяной юбке. На газу у неё поднималось молоко. Когда поднимется, они оба замолчат и будут смотреть, как двухлитровая кастрюля занимается своей ненадёжной работой. Пока ещё можно было успеть.

— Приду, — сказал Павел.

— Вот и записали.

Людмила потянулась за молоком. Косточку он положил на порог соседям, подальше от самоката.

Верхнекамск спускался к заводу тремя уступами. На верхнем люди стряхивали с рукавов снег, на среднем шёл дождь. Внизу у Камы трава на теплотрассе ещё лежала зелёными перьями.

У Верхних ворот продавали шаурму, рабочие перчатки и расчётные листки. Последним товаром торговал бывший слесарь Белых. Соорудил из фруктового ящика конторку, купил очки на плюс четыре, за сто рублей объяснял молодым, что им начислили, за двести — что удержали. В хорошее утро он брал почти столько, сколько раньше получал за смену в цехе. В худое ему совали бумажку бесплатно, чтобы хоть кто-нибудь подтвердил, как скверно обошёлся хозяин со своим работником. Сегодня у Белых стояла женщина с мальчиком. Женщина хотела вычислить, сколько получит муж, если пропустит две субботы. Белых снял очки.

— Милая, ты лучше спроси, сколько получишь мужа, если он их не пропустит.

Она забрала бумажку и пошла к трамваю. Мальчик покатил за ней на одной ноге, другую нёс на весу, чтобы хватило на обратную дорогу.

Павел приложил пропуск к считывателю. На фотографии он был в галстуке. Проходная сохранила его таким, каким завод теперь вряд ли захотел бы его взять: из конструкторского бюро, с вымытыми руками. За турникетом Громов накинул куртку, выдал себе из одного кар-

мана ключи, из другого очки и пошёл по чёрной асфальтовой дорожке. Кирпичная стена четвёртого цеха тянулась почти на длину причала. Строили её ещё когда сюда баржами привозили уголь; в кирпичине у входа ребёнок давным-давно успел оставить отпечаток двух пальцев. Дырки уже сто раз закрашивали под цвет цоколя. В них набиралась вода.

Внутри шёл тёплый металлический дождь. Высоко над пролётом кран нёс поддон, с него срывались капли эмульсии. Приёмщица Лида Кочетова катила тележку с деталями. Из нагрудного кармана у неё торчал карандаш с привязанной к нему шнуровкой. До пола она доставала: нагнуться за упавшим карандашом Лида после операции не могла.

— Как тюрьма? — спросил Павел.

— Подробности у охраны, — отозвалась Кочетова.

Тюрьмой здесь прозвали участок за серой сеткой, с окошком для выдачи деталей. На трёх немецких центрах фрезеровали корпуса редукторов. Десять лет два станка простояли в чехлах; на третьем делали всё, вплоть до табличек на доску почёта. Теперь пришёл государственный заказ. Чехлы выкинули. На ночь наняли шесть человек и взяли с них обещание найти ещё шестерых.

Артур вышел из-за сетки и показал Громову левое ухо.

— Вот сюда послушай, Палыч.

— Что у тебя в ухе?

— Да у меня ничего. Сюда встань.

У крайней стойки тонко засвистело, будто кто протянул смычок по проволоке. Артур убавил на телефоне громкость и снова пустил запись. Павел наклонил голову.

— Когда появился?

— В конце ночи. Чистовой прошёл, на отводе запело. Я остановил.

— С пустым не пускал?

— Нет. Я свидетель трезвый, при памяти. А ты чем докажешь?

Артур был коренастый, Павлу до плеча. В свой тридцать один год он девять лет простоял здесь, когда давали работать. Когда не давали — таксовал, по субботам мыл кисточки в салоне у сестриной крёстной. Раз платят, какая разница. Павел таких любил и побаивался.

— Понял, — сказал Павел. — Передай запись дежурному механику.

За ограждением умолкла вытяжка. Артур показал Громову снимок экрана со временем остановки. До гудка оставалось одиннадцать минут.

Теперь стало слышно особую, всегда мучительную для Павла вещь: как работает остальной цех, если посередине у него вырезать одну машину. У дальней колонны напильник ел литейную корку. Рядом с Павлом Кочетова щёлкнула ногтем по стеклу своего индикатора.

— Восемнадцать, — сказала она.

— У меня девятнадцать, — отозвался Артур.

— Восемнадцать. Ты мне на этот покажи, — и она указала на закрытый станок. — Я тебе его снаружи проверю взглядом. А ты мне так же взглядом зарплату выдай.

За мутным стеклом серел литой корпус величиной с зимний аккумулятор. В нём оставалось промерить посадочные места и проверить поверхность. Цикл станок завершил, стол с деталью ещё не вышел к оператору. В утренней заводской сводке корпус уже числился готовым. С некоторых пор сводку тянули прямо из счётчика циклов. Прежде Артур писал карандашом на клочке картона число деталей и зажимал картон рукой Кочетовой, чтобы она не испачкала маслом стол контролёра. Она переносила число в журнал. Теперь внизу имелись всё те же грязные руки и картон, зато наверху появилось будущее.

— Твоё число восемнадцать, Лида, — сказал Павел. — А девятнадцатую поставим отдельно, пока разберёмся.

— Так вы ей напишите, что она отдельно, — сказала Кочетова. — А то по бумажкам их девятнадцать, я одна. Мне против такой оравы тяжело.

Артур сел на перевёрнутое ведро, положил на колени защитные очки. Руки у него мелко вздрагивали, как у человека, который всю ночь нёс тяжёлую вещь и наконец поставил.

— Устал? — спросил Павел.

— Тут вчера ставка пришла. Посмотрел расчётный, думаю, не могу я устать за такие деньги. Щас посижу и смогу.

Механик явился с красным ящиком. Перед ограждением поставил стойку, взял станок на обслуживание и попросил убрать из прохода народ. Кран возле крайней колонны опускал поддон. Сперва потянуло сырой эмульсией, потом поддон сел на подкладки и дождь в цехе прекратился.

Павлу позвонили из планового. Об экране Артура там уже знали, о восемнадцати корпусах — ещё нет. Диспетчер Светочка спросила, кем ему хочется быть на сегодня, должником или молодцом. По сводке он был молодец, а если её исправить, опять выходил должник перед третьим пролётом.

— Передай пока как есть. Восемнадцать приняла Кочетова. Одна штука в станке.

— Я передать могу. У меня на это отдельного квадратика нет.

— А поле «комментарий»?

— Паш, ты видел хоть раз весь завод, который помещается в поле «комментарий»? Ладно, сама придумаю.

В дверях столовой молодая женщина в клетчатом пальто поила ночника чаем из термоса. Спустя семь минут Павел увидел их снова. Ночник спал, прижав щёку к её меховому манжету.

Механик подтвердил перегрев. До осмотра шпиндельного узла пускать станок он запретил. Павел спросил, есть ли резерв.

— Есть, — ответил механик. — Очень симпатичный. У прежнего поставщика, в Нюрнберге.

— А что нам нового сказали?

— Ничего. Умеют повторить старое совершенно новым голосом. Через Казахстан шесть недель, через Китай может быть раньше, но стоимость сразу выше, чем если бы мы сами туда слетали и весь отпуск там провели. И это ещё без решения, какой именно узел нам нужен. Их было два исполнения.

— Пока не снял, не заказывай, — сказал Павел. — Номер и фотографию мне на стол. И свяжись со снабжением, с Савиным.

— Савина больше нет. С понедельника в субподряде. Ему сразу сто восемьдесят на руки предложили, он покрутил карандаш и согласился.

Механик переставил в ящике длинный ключ. Крышка сразу легла на место.

Девятнадцатое место на сборке пока пустовало. Если с утра его займут, куда денут корпус, когда Кочетова его всё-таки примет? Простая задачка, но решать её по телефону Павлу надоело. Он пошёл через весь завод к сборщикам.

По пути он завернул в комнату приспособлений. Под стеной стоял зелёный токарный, ровесник отца. Банка у стены собирала воду с прохудившейся крыши. На шильдике рукой Савельича было выведено «1974». Так и не затёрли краской за полвека.

На старом заводском телефонном листе фамилия его звучала как название учреждения: «Метрология. Лаборатория. Савельич». Номер четырёхзначный. Лист до сих пор висел на стене, хотя метрологов переселили, лабораторию объединили с центральной, а Савельич уже семь лет жил за Верхней Слудкой, где до ближайшего заводского телефона предстояло добираться на автобусе с ведром яблок под ногами.

Павел в своё время чертил для него поворотную оправку. Три вечера тушью обводил окружности. Савельич взял ватман, перевернул и на чистой стороне обвёл карандашом собственный кулак.

— В эту сторону ты мне пускаешь деталь. А в эту я тебе руку положу. Она у меня туда лезет?

Не лезла. Павел повёз чертёж обратно в бюро, переделал, запустили. На долгие годы отпала необходимость объяснять кому-либо на заводе, в чём состоит разница между удачной и неудачной работой. Кулак либо входил, либо нет.

К обеду у Павла имелось два предварительных ответа поставщиков, каждый с припиской «ориентировочно», и один полученный от жены квадратный снимок. Максим без шапки у ворот завода. Поверх школьного рюкзака болтается длинный пластиковый тубус. Лица не разглядеть, зато прекрасно видно, как вырос у сына за лето носок ботинка: серой материи рюкзака с детства хватало заслонять ему почти ноги, теперь до земли добрых полметра.

«Я его у школы жду, а он к тебе ушёл», — прочёл Павел.

«Забрать?»

«Уже забрала. У нас в шесть. Время я указала по Москве, Верхнекамску и твоей стенгазете».

У сменной конторки всё ещё сидел Артур: ждал, пока перестанут слипаться глаза. Боялся сесть за руль. Свой ключ бросил на стойку. На чёрной пластмассе белела надпись «Снять перед использованием».

— Чего не снимаешь?

— Она под этой плёночкой дороже. Сниму, сразу второй хозяин.

— А первый кто?

— Банк. Мне если сейчас поспать, это полторы тысячи в час прогулять. Я потому сюда и залезаю. Посмотрю в экран — и сразу как будто выспался.

Сварщик Вершинин принёс домой за сентябрь двести сорок одну тысячу. У Громовой в школе оставалось тридцать две, как в мае. Люди теперь спрашивали у соседей, почём берут за угол, во сколько обходится садик. Проверяли, остались ли хоть у кого прежние цены.

— В Слудку ты меня подбросишь? — спросил Павел.

Артур оживился.

— На моей? Я тебя как начальника предупреждаю, Палыч. Я на этой машине живых начальников ещё не возил.

Павел присмотрелся. Веки у него были малиновые, правое подрагивало.

— Ты не повезёшь. Ты мне покажешь, как её открыть. Отвезу тебя домой, потом в Слудку. Хорошо?

— Ты сначала платёж увидел бы, — сказал Артур с сожалением. — Тогда так просто бы за руль не просился.

Кроссовер стоял на обочине, все четыре колеса крупно, жирно отпечатались в раскисшем чернозёме. До осени новых машин этакой стоимости в Верхнекамске водилось три, одна принадлежала директору фанерного комбината на другом берегу. Теперь на стоянке было их штук сорок. Двадцать семь на вид ещё ни разу не мытых. На зеркале у Артура на розовой тесьме качалась маленькая белая пуанта.

— Что, уже и в балет? — спросил Павел.

— Полинку вожу. Она мне по четвергам заменяет твою ночную. Пока там прыгает, сплю внизу в раздевалке. Вчера просыпаюсь, мне девочка носок зашивает. Подумала, говорит, что вы чей-то папа.

Павел подвинул сиденье. Артур заснул, не успели съехать с заводской улицы. Его растолкали у подъезда; куртка с проходной биркой так и осталась сзади.

Верхняя Слудка стояла над Камой. На холме землю уже взяло белой корочкой. Над крыльцом сохли резиновые перчатки; в них Савельич вшивал мягкие ладони, чтобы не сводило пальцы на холоде. Про перчатки Павлу рассказала соседка, пока показывала дорогу к калитке.

На невысокой скамейке под навесом стояла в тазу огромная оранжевая тыква. Савельич очищал её от кожи тонким плотницким ножом. Серое узкое лезвие, сточенное наполовину, резало так, что сразу до самого основания отваливалась полоса плотной коры. Он здоровался обеими ладонями, обтёртыми о старый пиджак с чужими погонами. На месте левой пуговицы был коричневый кружок от детской куртки с надписью «Funny boy».

— Павел Сергеевич. Проходите. Бумаги нам какие-то принесли?

— Я вам когда-нибудь одни бумаги приносил?

— Был случай. Особенно когда на заводе решили все газеты зачем-то выписывать через профсоюз. До сих пор от «Рыболова» ничего не жду.

Из дому донеслось два удара. Савельич ушёл, вернулся с поильником, сполоснул над ведром и наполнил из термоса. Лишь когда в доме отпили, указал Павлу на табурет. С крыльца открывалась полоска Камы и на ней белая точка бакена.

— У нас центр встал. Шестнадцатый. Резервируем операцию на старой расточке. Там корпус придётся по-другому базировать, и парень, который оснастку делал прежде, уволился в восемнадцатом. Хотел на время попросить. Дней на десять хотя бы.

— «На время» это в каком месяце у вас теперь кончается?

— В октябре. Если честно, Савельич, не знаю. Я вам про свою часть работы говорю. Есть плита, пару опор надо подогнать, проверить, будет ли держать. На втором участке универсал, мы его обслужим. Чертёж есть. Мне нужен токарь. Вы придёте?

Старик сунул нож в тугую мякоть и опять прислушался к дому. Там не стучали. На все разговоры о чужих нехороших обстоятельствах в маленьком городе существует простое приглашение: «Ну, ты спрашивай». Человек, к которому обращаются, с этих слов может делать вид, будто ничего ещё не знает. Павел со стариком в такую игру играть не собирался. Наклонился, поднял с доски ломоть тыквы, срезал небольшую мятую вмятину, положил обратно.

— Во сколько приходить? — спросил Савельич.

— Вам можно в восемь. Первая смена. Сорок минут обед. До четырёх успеем.

— В четыре я уже должен быть дома.

— Стало быть, в три выходим.

Савельич рукавом стёр с носа яркое пятнышко тыквенной пыльцы. Два сустава на правой руке старика больше не гнулись. Когда-то про каждый его палец Павел думал: сдать бы под охрану.

— Жена у меня, — сказал Савельич. — Нас двое. У неё всё с головой хорошо, а глотать трудно. Дочка приходит по утрам, моет, читает ей, когда та не хочет сама читать. Потом у неё с часу занятия. Я сам дома работаю. Как сейчас охотно народ за тыкву платит, ты не представляешь. За половинку отдают столько же, сколько за целую, потому что целую тяжело везти. Я десять штук за воскресенье разрежу. У меня лишнего времени нет. Что ты платишь?

В июне он ещё торговался бы о расценках. В октябре по городу уже знали, сколько дают в соседнем цехе.

— Тысяча в час. На руки. Шесть часов. И машина за вами туда и обратно.

Старик чуть качнул головой, то ли обдумывал ответ, то ли слушал шаги в доме.

— Машина в договоре?

— Что в договоре?

— Всё то, что ты мне говоришь. Я у вас двадцать лет выслушивал говорильню. В конце дня мне выдавали подписать бумагу, а в ней совсем другая моя жизнь. Час иной, фамилия моя без мягкого знака, выходные чужие. Когда увольнялся, мне женщина одна в расчётном сказала: «Я до вас знаю, вы у нас всю войну работали». Мне в сорок пятом даже родители ещё друг другу не понравились. Перепутали меня с отцом. И никаких претензий к нему, он всё, что надо, выточил. Но пенсия у нас с ним всё-таки на разные годы приходится. Машина, пожалуйста, в договоре. Заканчиваю так, чтобы к четырём дома.

Из-за занавески крикнули:

— Вася! Ты уж ему скажи, куда в другое время поедет машина, раз он начальник!

Савельич поморщился. У жены, говорил он, всё в порядке с головой, и, судя по голосу, неплохо было и со всем, что полагается к ней впридачу для руководства мужем.

— По вторникам у нас процедуры, — сказал он. — В городе. Машина после меня всё равно обратно идёт. Можно её с сопровождающей взять, если свободна.

Павел кивнул.

— Машина наша не скорая. Она сможет в неё сама сесть?

— Она сейчас может вести через занавес все ваши переговоры, — крикнули из дому. — Зовут меня Галина. Лена — дочь. Ей обратно к часу в школу. Туда и обратно машина нам нужна, понимаете, начальник?

У Громова завибрировал телефон. Он не стал вынимать его при хозяйке. Она ждала ответа.

— Напишу, — сказал он. — Про вторник тоже.

Савельич встал, расстегнул пиджак. В нагрудном кармане рубашки у него имелся огрызок простого карандаша. Он срисовал на тыльную сторону листка с таблицей полива номер телефона Павла и прочёл вслух по цифре.

— Палыч, а ты где машину оставил?

Возле машины старик стряхнул с протектора застрявший камешек. Заметил Артурову куртку на заднем сиденье.

— Когда ты его забирал, спал уже? — спросил старик, показав подбородком на куртку Артура поверх сложенного заднего кресла. К рукаву была приколота старая цеховая бирка с номером.

— На ходу. Я его довёз.

— Завтра утречком подбрось. Я сам взгляну, что у вас нынче умеют молодые ребята. Это мне в договор вписывать не надо.

С косогора завод был виден целиком. Пять лет назад на крытом переходе белело «Продаются помещения». Завод брали по частям: под склад, под клуб, на кирпич. Теперь за него давали больше целиком.

Когда Павел вошёл, на кухонных часах было без минуты шесть. На телефоне семь минут седьмого. Людмила открыла дверь и сунула ему в руки две тарелки. Они были чистыми и тёплыми. Третья стояла на полке сушилки.

— Нет его, — сказала она. — У него своя жизнь, между прочим. Ничего, что мы его иногда с ней оставим?

— С кем?

— С жизнью. Садись. Я суп грела два раза, третий раз в нём уже нечему становиться съедобнее.

Максим пришёл, когда они наливали чай. Из кармана сын вынул крошечную завитушку, золотую, как распущенный конец новогоднего дождика.

— Это мне у ворот дали. Я спросил, из чего она. Там сказали, что ты знаешь.

Павел перевернул завитушку. С одной стороны цвет густой, медовый, с другой чуть сизый. Пальцы чуть разошлись под её упругим недолгим сопротивлением.

— Сталь, — сказал он сыну. — Нагрелась. Это цвет такой. Из золота, Максим, тебе бы её у ворот никто не дал.

— Ну, это я и без тебя знаю. Я хотел, чтобы ты мне рассказал, как по ней видишь, что сталь.

Павел снял с холодильника магнит и поднёс его к завитку. Завиток подпрыгнул с ладони и повис на краешке магнита.

— А по цвету я бы и сам ошибся, — признался он.

Людмила поставила перед сыном третью тарелку. В пальцах у неё была пуговица от его старой куртки. С утра обещала пришить, а теперь видно стало, что застегнуть её Максим всё равно уже не сможет.

— Я к тебе приходил посмотреть, — объяснил Максим. — Хотел хотя бы зайти, с проходной велели обратно. У нас в школе надо, чтобы кто-нибудь показал нормальную работу. От тебя список принимают и экскурсию выписывают на десять человек. Или ты скажешь, что у вас там плохое время?

— У нас как раз время хорошее, — сказал Павел. — Наконец много работы. Смотреть сейчас особенно не на что, зато есть у кого спросить. Тебе зачем это в конце октября?

— В конце октября у нас будет ноябрь.

— Очень содержательно, — сказала Людмила. — И главное, есть в этом что-то такое, против чего я в своём возрасте совершенно бессильна.

Максим достал тубус. В нём оказалась длинная плотная бумага, на какой до распространения компьютерных программ печатали крепёжные чертежи. Тонкие синие линии, серые от долгого солнца, многочисленные следы карандаша и чужих пальцев. По краям лист обрезан ножом.

— На черчении краны рисуем. В книжном нам отдали пачку старых схем. Я взял одну для Николая Алексеевича, а он говорит: отцу покажи, может, помнит.

Через стол, через две тарелки и суповую ложку лёг старый план кранового пролёта. Нижний угол отрезан вместе со штампом. Слева вверху фиолетовыми чернилами дописано: «При наладке не занимать проход. Здесь люди идут на обед».

— А кто писал? — спросил сын.

— Не знаю, Максим. Погоди, у меня есть у кого спросить.

Ему позвонил дежурный по заводу. Звук телефона весь вечер ждал где-то в квартире возможности прорваться на свет и вот именно сейчас нашёл себе одну совершенно неподходящую минуту. Докладывали, что корпус выкатили из центра. Выстоялся. Хозяйство механик принял, станок остановлен до ремонта. Маршрутная карта пустая, Кочетова ушла после своей смены, ночного контролёра ещё не нашли. С ночи на сборке до конца недели опять простаивает комплект, а новый директор по производству из Москвы, уже оставил себе номер телефона каждого начальника цеха. Отдельно поступила бумага по завтрашней смене. Предварительное задание: выдать девятнадцать штук.

— Наши восемнадцать где?

— Здесь. Девятнадцатая в проходе под чистым пологом. Утром Лида выйдет и проверит. Диспетчер спрашивает, под неё отвести место на сборке сейчас или не ставить вовсе. Потому что если нет, надо сдвинуть остальные восемнадцать на соседние места.

— Пусть оставят место. В графе приёмки пусто?

— Пусто, Палыч.

— Хорошо. Утром с этого начнём.

Он положил телефон экраном вниз. Девятнадцатое место им оставили. Больше за эту смену он сделать не мог. Максим всё ещё придерживал чертёж локтями, чтобы не свернулся.

Людмила вышла из комнаты и вернулась с круглой коробкой из-под мятных леденцов. Там лежали школьный ластик, две проездные карточки, полтинник и четыре разноцветные бусины от цепочки с рассыпавшейся застёжкой. Она предложила выложить всё и убрать в коробку золотую стружку. Сын отказался.

— Её сразу тогда потеряешь, — сказал Максим. — Ты хоть помнишь, от чего у тебя эти карточки?

И сунул завиток к себе в карман.

Глава 2. Ценник на витрине

Ноябрь 2024 года

Девятнадцатый корпус забраковали. Кочетова установила его на плиту, дважды проверила гнездо, сходила в инструментальную за другим нутромером и подписала карту красной ручкой. Отклонение небольшое, но посадка уже не та. Исправить в пределах чертежа нельзя. К завтраку в телефоне Павла появилось сообщение из сборочного: «Пустую тележку забери сам, мы на ней обед возим».

Он сходил. На тележке и правда стояли четыре синих судка. Ручки перевязаны разной проволокой, чтобы после супа человеку достались его собственные котлеты. Павел дождался раздачи. В последнем судке оказался большой кусок домашнего наполеона. Возле него собрались взрослые мужики, каждый говорил, что сладкого не ест, а когда хозяин разделил, ножик облизали.

Савельич уже вторую неделю подгонял оснастку для расточного. В четыре был дома. В договоре хитрая девчонка из отдела кадров сперва написала «доставка при наличии транспорта», и старик, ничего не меняя в лице, дописал ниже «работа при наличии желания». В таком виде бумага добралась до директора. В окончательной исчезли обе строки, а к трудовому договору приложили подписанный график развозки. Чёрную работу государству делали четыре токаря, наладчик Артур и старик с дочерью, чья школа по вторникам отпускала её с первого урока. На бумаге государство оказывалось куда менее многолюдным.

В пятницу после смены Людмила позвала Павла в книжный. Просила прийти с отвёрткой и почему-то с обувной ложкой. В прошлый раз она звала его с одним только чистым носовым платком. Тогда пришлось поднимать из-под пола в учительской ключи от школьной котельной. На собственных ошибках он научился брать с собой ещё фонарь.

Книжный занимал первый этаж дома с шестью окнами на реку. В детстве Павел приходил сюда греться после катка. Возле полки «Животные и растения» стояла батарея. От тепла у покупателя быстро отходили пальцы, а из порезов на костяшках начинала сочиться кровь. Ольга Семёновна бранила за испачканные корешки. Теперь на витрине уже отскребли от стекла буквы «НИГА». Одна «К» ещё держалась. Парнишка в серой шапке тёр её пластиковой карточкой. Чем дольше тёр, тем яснее проступало название банка на самой карточке.

Внутри пахло не бумагой — кофе, горячей пластмассой, мокрым хлопком. На двух окнах болтались тяжёлые чёрные занавеси, под третьим женщина на стремянке душила в руках подол, пыталась повесить его к стене на шнуре. В простенке, где прежде был портрет писателя Бажова, золотели маленькие буквы «Нефть и Медь». Места между ними не хватало. Последнюю мягкую букву поставили за угол. Смотря с улицы, получалось, что верхнекамцев приглашают выпить нефть и мёд.

— Тут даже лучше, — сказал Павел работнику со стремянкой. — По крайней мере одно съедобное.

— Я трижды предлагала им короче название, — отозвалась женщина. — «Недра». Ровно пять букв. Одна дыра в стене от Бажова подошла бы под Д, другая под Р. Всё ведь было готово.

Людмила стояла у задней стены. Расстегнула пальто и сгибала правое колено, стараясь плечом удержать на месте длинную тёмную доску. Под левой ногой у неё лежала стопка старых словарей. Их удерживала другая женщина, широкая, с короткими стального цвета волосами. Павел узнал Ольгу Семёновну. Узнала ли она его, сомневаться не стоило.

— Рука у тебя чистая? — спросила она.

Он показал ладонь. Из цеха он выходил через душ, однако левая борозда возле большого пальца давно стала серой и останется такой, пока будущий покойник до конца не вымоется в своём новом чане.

— Как нальют людям по рюмке, можно будет хоть дорогие книжки отдавать, — сказала Ольга Семёновна. — Дальше пальцы у них будут ещё лучше. Люда, ногу береги.

Павел подставил плечо. Вдоль всей стены под коричневой фанеровкой шла одна длинная дубовая полка. За тридцать лет на ней продавали и Пушкина, и испанские детективы, и книгу о правильном окоте домашней кошки. Под тяжестью множества существ книжная полка по центру просела на добрый вершок. Под неё в это место кто-то давно вставил железный башмачный рожок. С тех пор книги лежали ровно, а рожок приржавел к стене. Вот для чего требовалась обувная ложка: Людмила думала подсунуть вместо старой новую и вынуть доску целиком из пазов, раз уж полку им обещали.

— Первую выдернешь и стену на головы получишь, — сказал Павел. — Тут под обоями скоба. Сначала снимайте книги.

— Нам велено, чтобы и следа не было к утру, — сказала продавщица.

— Кто велел?

— Кому завтра в десять трава должна тут вырасти. Управляющий. А хозяин, говорит, примет в девять.

Людмила сходила за хозяином. Ольга Семёновна мелко чихнула в распахнутую ладонь. У самого глаза на носу у неё сохло бурое пятнышко пластыря. Очки висели на шнурке, одно стекло сплошь в трещинах. В этих самых очках она некогда ловила малолетнего Громова, который тайком разрезал перочинным ножом неразрезанные страницы в дорогом томе про пушечные дворы. Он так хотел дочитать про литьё, что порезал и палец. Она тогда сдала его школьному завучу. Павел поинтересовался, помнит ли.

— Ты не резал. Это был книжный брак, я тебе сама нож дала. А завучу сказала, что резал. Он мне до того недостачу повесил за тетради в косую линейку. При нём ты как честный человек стоял и не выдавал меня. Помнишь, я десятку тебе сунула? Ты взял?

Павел уже не знал. Он помнил именно кровь и белые треугольнички непрочитанных страниц. На ином жизненном расстоянии выяснялись владельцы старых грехов, по большей части совершенно теперь бесполезных.

Управляющего звали Ренат Латыпович. Он был в строгом сером костюме без единого кармана снаружи. От этого руки всё время находились в деле: то проводил подушечкой пальца вдоль манжеты, то трогал пуговицу, то принимал у встречного работника предмет, в данный момент никому не нужный. Сейчас он держал позолоченный пожарный знак. Законными, заводскими его цветами были красный и белый, кто-то для красоты закрасил обоих золотом.

— Иметь полку вообще не проблема, — сказал он Людмиле. — Проблема иметь на своём балансе точку реализации чужой продукции. Поэтому мы готовы предоставить её вам самовывозом. Самое лучшее, если вы займёте молодых людей. Школа получит полку. Мы получим чистый интерьер. Ваши дети получат позитивный опыт участия. Три выигравшие стороны.

— В школе сорок семь полок, — ответила Людмила. — Хоть завтра отдам шесть. Нам нужны сорок сантиметров на улице, чтобы ребята до восьми вечера могли подойти, поменять книжку или сдать старую. Вы открываетесь только после шести. Один час у нас пересекается, и дети продают сами. Мы с вами так договаривались.

— Мы с вами предварительно обсуждали культурную возможность. Культурная возможность на сегодня целиком сохранилась.

Он подал Павлу пожарный знак. Павел взял. На его средней фаланге осталась тёплая золотая капля. Он сразу понял, что глядит в то далёкое будущее, в котором никто из присутствующих не назовёт человека, покрасившего знак, но все вспомнят, чей на нём отпечаток.

— У нас во дворе дверь, — сказал Максим из-за полки.

Парень вылез из пустой ниши, расположенной книзу от батареи. У него на лбу было серо от пыли, пояс куртки расстёгнут, кисти рук красны от содранной побелки. Людмила отрицательно качнула головой, предупреждая Павла, чтобы он сейчас же не бросился отправлять сына на подготовку. В руках Максим держал плоский деревянный обломок. За ним действительно был заложен со стороны зала досками вход на боковое крыльцо дома.

— Есть дверь и есть окно, — продолжил Максим. — Мы сможем прямо во дворе выдавать. А ваш бар будет целенький. С нас ключ, с вас ни копейки.

— С нас электричество, — сказал Ренат Латыпович и тотчас посмотрел на себя внутренним начальственным взглядом. Только что объяснял культурные возможности, а тут споткнулся об одну лампочку.

— Можно пока светло. В темноте в комнате загорается, когда вы откроетесь. Мы встанем за окошком, и нас даже не будет видно. Будут видны люди, которым вам всё равно положено гореть.

Сын разговаривал дельно, не душевно. На заседании рабочей комиссии за такой способ убеждения ему бы сейчас досталось от инженера по пожарной безопасности. У того всегда в комнате имелся запас неопровержимых возражений, чтобы некстати зажёгшийся человек лет восемнадцати погас сам, быстрее городской сети. Сейчас ни у кого не оказалось под рукой удостоверения с красной корочкой. Один из рабочих, вовсе посторонний бару, отложил набок стремянку и стал выбивать гвозди из старой доски.

— Давай мы с тобой поговорим о материальной части, — сказал управляющий мальчику.

— Со мной лучше, — вмешалась Людмила. — Ему ещё в институт поступать, ему ваши условия с такими словами не нужны.

Ещё полчаса они вели переговоры. Тем временем трое рабочих, Павел и Максим сняли полку, вынули рожок и под ним обнаружили старую заводскую скобу, к которой была прижата бумажка с радиолюбительскими позывными. Цифры сохранились синие, рядом фиолетовыми чернилами подписано «Зоя, не выдавай лыжные палки без размена». Павел увидел, что Ольга Семёновна медленно складывает записку вчетверо.

— Зоя — мой муж. Зиновий по паспорту, а тут у всех подписан был Зоя. Он прокат держал на речке. Когда магазин делали, помогал. Мне бы эту скобку, Павел. Мы в восьмидесятом тут с ним за первым шкафом целовались, и за всё время, что были вместе, он мне руки так ни разу и не сделал ровнее. Вдруг с этой скобкой получится.

Она отдала записку Людмиле на хранение, а скобу положила в карман пальто. Места там для неё было заведомо маловато. Пришлось вытащить рукавички и надеть на обе руки. Так и стояла в тёплом зале в белых рукавичках прежняя хозяйка всех детских книг Верхнекамска, посматривая, как на новое окно набивают ручку и поправляют старый сидевший наискось переплёт. Доступ внутрь существовал узкий, через технический тамбур с угла. Приставлять к наружной стене полку нельзя; в нишу она поместится, если отрезать один локоть, а локоть отдать управляющему под маленькую перегородку между кофемолкой и дорогим итальянским аппаратом.

— Заходит человек, — объяснял рабочему Ренат Латыпович, — и он видит вековую древесину. Натуральную. У него включается доверие к нашему среднему чеку.

— Самое страшное доверие, — отозвался рабочий, — когда чека никто больше ждать не хочет.

Павел дал сыну ножовку и отошёл, чтобы мальчишка распилил сам. Максим упёрся коленом, прищурил один глаз, потом другой. Хват держал такой, каким сам Павел восемь лет назад показывал ему дома, у того не доходило тогда плечо до уровня стола, так высоко Громовы прикрутили ножки к кухонному верстаку. А теперь сын повернул пилу слишком вертикально, зацепил зубом дальний край и выломал щепку с ноготь. Ясное дело, не хватало сантиметра

до того, чтобы отец подошёл поправить. Павел шагнул. Максим повернул доску, нашёл ту же черту с обратной стороны и закончил пропил. Обломок упал сыну прямо в руки.

— На сколько завалил? — спросил мальчик.

— На глаз три миллиметра.

— А не на глаз?

— Надо померить.

— Вот и я уже сам понял, — сказал Максим и унёс обе части к окну.

Из бывшего детского отдела шёл запах винного уксуса и чего-то копчёного. На месте отдела краеведения выравнивали грифельную доску с рукописным меню. Там, где прежде писали «Карты охотничьих угодий» и «Леса и болота Прикамья», теперь выводили число за числом. Павел стоял к цифрам боком. В детстве его учили не заглядывать в чужой кошелёк. В нынешнем Верхнекамске кошелёк вывесили открытый на стене, и он стыдливо отводил от него глаза.

На улице ржавая «Гранта» с шашечками ждала, пока преподнесённый культурный проект закончит складывать в багажник дрель, старые энциклопедии и длинную полосу дуба. Водитель глянул в багажник и объявил семьсот рублей.

— Утром было двести двадцать, — сказал Павел.

— Букву на машине видал? Считай, крупный шрифт. У меня с десяти «комфорт», с трёх «комфорт плюс», с пяти «городской стандарт», все три по семьсот. Ты всё неправильно понимаешь. За двести двадцать я тебя четыре раза свожу и только потом поужинаю. А за семьсот один раз съезжу и пойду ужинать вместе с женой.

— Которая тебя каждый вечер спрашивает, чего ты теперь снова дома, — сказала Людмила.

Водитель засмеялся. На переднем сиденье у него лежали две коробки ламп для проектора, ещё и этикетку «Хрупко» сохранили. Людмила вытащила книги из багажника, оставила половину до понедельника в магазине. Со второй половиной уместятся в рейсовый автобус. Наушники в автобусе стоят денег, сказала она, но их можно заменить книгой, если умеешь читать. Максим напомнил ей, что читать в автобусе она вот уже шестнадцать лет запрещает, зрение сядет. Она велела в таком случае возить литературу прямо на голове для осанки.

Такси с шашечками уехало порожняком. Следом за ним подтянулся большой автомобиль в грязной плёнке. За рулём сидел человек с широким лбом и тонкой, как нитка в заводной игрушке, белой отметиной возле губы. Он не спешил глушить мотор. Увидел семью с сумками и длинным куском дубовой доски, двинул машину ещё сантиметров на тридцать и посигналил Паше знакомо: два коротких, длинный и ни одного лишнего. Такими гудками их соседский парень в девяносто шестом, когда Павел впервые повёл Люду гулять на пляж, вызывал старших мальчишек из подъезда.

— Гром, — сказал человек. — Какая у тебя большая линейка. Кол поставили по поведению?

— По труду двойку. Здорово, Денис.

В новом салоне пахло какао. Коршунов признался, что согласился перегнать жене машину, когда от своего сиденья в старой за два дня отмывал пролитый стакан. В этой с первого же дня хранился термос с какао и небольшое детское полотенце, специально для подобных подробностей совместной жизни. Людмиле отдал место впереди. Павел и Максим уселись сзади, приспособили дубовую полку в промежутке стоймя.

— Вы оба вышли интеллигентные, — сказал Коршунов. — Люблю старых знакомых, которым одно и то же идёт хоть на выпускном, хоть в гроб. Кстати, я вам город пока не распугал своим заводом? Работать не мешаю?

— А у тебя давно свой завод? — спросил Максим.

— Да отвязался бы я от слова «свой», мой сладкий. Вчера было моё только кашемировое пальто, а сегодня уже жена носит, говорит, фасон как у модного пальто для женщин. Город старый купили и новые подробности прилаживаем понемножку. Вон твой отец сам себе раньше был инженер, а теперь начальник цеха, который, насколько я понимаю, мне ещё даст прикурить за плохую поставку. Или у него никто теперь не замечает?

— Дай сперва плохую поставку, — сказал Павел. — Пока сырья твоего не видел.

— Не беги впереди счастья.

Он носил расчёсанные назад волосы с небольшими упрямыми волнами по вискам. Когда ему было семнадцать, одна такая волна вставала торчком, если Денис утром ничего с ней не делал. В вечерней школе Павел сидел с ним рядом. Самому Павлу стукнул двадцать один. После болезни отца не доучился в дневной, сразу пошёл на завод. Возвращался к физике из второй смены, Денис после уроков подрабатывал в банке, красил звуконепроницаемые стенки, а на учёбе они сбивались локтями над одним учебником. По выпускному сочинению Денис тогда вывел вопрос «почему человек бесправен, когда он голоден», а по дороге домой они с Громовым проголодались, нашли у хлебного одну недогруженную коробку, съели два пряника и молчали об этом ещё несколько честных лет. Если встретишь человека через двадцать с лишним лет и первым делом видишь при нём один липкий пряник — считай, что не такой он чужой.

— Живёшь ты всё там же? — спросил Денис.

— У Рябиновой горки.

— Это где два близнеца и одна хрущёвка поперёк? Ты у нас человек опасный, Гром. Двадцать лет на одну квартиру изводишь.

Людмила повернула голову к боковому окну. Всего несколько движений понадобилось, чтобы незнакомый ей человек успел за семь минут заговорить о месте, где они купают ребёнка, сушат бельё и по воскресеньям чинят прокладки на кране. Она это невольно впускала и внутренне стыдилась того, что ей захотелось хотя бы на секунду оказаться в машине с таким же мягким запахом свежего какао, но уже в собственном.

Они встали у светофора. В новом магазине телефонов с чистейшими зеркальными стёклами отражалась старая городская касса, где сдавали стеклопосуду. В ней ещё работал старичок Клим, который умел раздельно слышать за тонкой дверью, сколько пустых бутылок принёс очередной клиент.

— Мне тут позвонили со склада, — сказал Денис. — Оборудование приезжает с юга. На ту вашу модель штук сто предложений. И всё заранее: в какой стране купили, из какой привезли, не одно и то же. Ты при случае черкни маркировку. Чего ж у нас года уходят на то, чтобы поговорить?

— Подшипник сняли, номер у снабжения.

— Отличный способ поторговаться с врагами. Я про друзей спрашиваю. Гром, ты когда последний раз у доктора был?

— В июне. На медосмотре.

— И ничем тебя от этой тяжёлой формы службы вылечить не сумели?

Максим засмеялся. Стёклышко над головой у него было в форме капли, держалось в мягкой пластмассе совсем без заметного шва. Павел видел, как сын потянулся его потрогать и не тронул, поняв, что оставит след. Показать парню след и вытереть своей ладонью — так поступил бы хозяин, когда хочет, чтобы в квартире его любили все гости; Коршунов не стал оглядываться, разрешив мальчишке самому оставить и снять отпечаток и не получать за это никакой особой щедрости. Хороший жест, прикинул Громов. Когда он стал прикидывать, чего стоит в Денисе тот или этот жест, не мог сказать.

У дома Коршунов вылез, вынул книги и сам перенёс две сумки на крыльцо. Павел попросил его подняться на чашку чаю. Денис так толково и спокойно отказался, что поначалу даже

не сразу дошло, какое отчётливое облегчение возникло в их подъезде. Большой человек из большого города их заметил, но успел побыть старым одноклассником.

— Ты насчёт твоего станка имел в виду что-то настоящее? — спросил Павел.

— Я всё делаю по-настоящему. Даже когда ошибаюсь. Я насчёт того, что хорошо знать друг друга, когда будет страшно.

Он отогнул лацкан кашемирового пальто, вынул визитную карточку и подал Павлу. Мальчик смотрел на эту вещь взглядом человека, которому уже хочется знать точную стоимость хорошей картонки с выпрессованными по уголкам второй и третьей буквой.

— А мне, дядь Денис? — спросил Максим.

Коршунов порылся в кармане.

— Второй нет. Я тебе пошлю электронную через батю. Ты тоже мой возможный заказчик, чего б тебе не получить? Сколько лет осталось до первой зарплаты?

— Нисколько. Я уже кружок в школе веду. Мне за это дают обед.

— Значит, с формой расчёта ещё придётся поработать, — сказал Коршунов. — Но само по себе очень достойное начало.

Они вошли в дом. Внутри пахло поджаренным чесноком и деревянной пылью от вчерашней шлифовки лестницы. Соседи снизу ставили другую дверь в третью комнату, чтобы сдать её отдельно. Аренда у них за два месяца выросла на треть. Громовы услышали, как хозяйка сказала кому-то «молодой человек, у меня скоро на эти деньги только холодильник снимется, без комнаты». От этого Людмилины глаза стали злее. Она молча оставила длинную дубовую полку у батареи и ушла на кухню. Разыскала на верхнем ярусе старую синюю коробку, в которую в слепой надежде из месяца в месяц они клали суммы, с которых собирались оплатить поездку сына на пробные экзамены в Пермь.

В коробке лежал конверт с надписью «Пермь, двое суток». Людмила вытряхнула деньги на клеёнку. За купюрами выскочила чёрная запасная пуговица, и Павел поймал её у самого края.

— Ты зачем при нём считаешь?

— А при ком мне считать? Ехать ему.

Максим сел рядом, ещё в куртке. Оказалось, он знал цену койки в общежитии при техникуме, знал, что заселяют только с понедельника, а первый автобус в понедельник приходит на двадцать минут позже начала консультации. Нашёл комнату у вокзала. Хозяйка брала за ночь, как за две койки, зато обещала разбудить. В подтверждение он показал переписку. Женщина подписывалась «тётя Нина», а последнее сообщение у неё было совсем короткое: «С мамой дай поговорить».

— Дай, — сказала Людмила.

Из Перми ответили сразу. Максим держал телефон на ладони, пока мать расспрашивала про замок, бельё и обратный автобус. Павел прибрал деньги. Сын подклеил конверт скотчем ещё по лету, когда он был слишком пуст и рвался на сгибах. Теперь край снова разошёлся.

— Возьму воскресную, — сказал Павел, когда они договорили.

— В воскресенье ты обещал эту дуру во дворе повесить. — Людмила кивнула в прихожую. — Дай мне хоть одно обещание, которое мне потом не придётся передавать другому мужику.

Он помолчал. Было воскресенье, на которое его ещё никто не вызывал. Он уже успел распорядиться им за всех троих.

В воскресенье они с Максимом положили дубовую доску на два табурета и прошлись шкуркой по старой фанеровке. На нижней стороне, куда продавщица из-за прилавка не могла заглянуть, выступили прорезанные циркулем буквы. «Люська, верни рубль». Сын хотел стереть.

— Оставь, — сказал Павел. — Вдруг вернёт.

Максим подул на буквы. Тонкая жёлтая пыль села ему на ресницы.

Глава 3. Ставка на чугун

Декабрь 2024 года

Первым делом парень попросил переименовать его в списке. В графе «фамилия» значилось Лёшин, а он был Лешин, с ударением на второй слог.

— Вам какая разница? — спросила табельщица.

— Мне никакой. Мама сюда позвонит, вы скажете, что такого нет.

Табельщица подняла глаза. Парень держал в руке шерстяную шапку, в шапке лежали ключи от квартиры и два варёных яйца в носовом платке. На завод он пришёл прямо от матери. Табельщица взяла ручку, убрала точки корректором и дала ему дунуть. Пока он дул, Павел разглядывал второго новичка. Этому мать на работу уже, пожалуй, не звонила. Он стоял у стены и не снимал куртки. На левом рукаве оторвали нашивку, и от неё остался иссиня-чёрный прямоугольник на выгоревшей до серого ткани.

— Нефть? — спросил Павел.

— Столовая, — ответил тот. — Нефть там тоже была, но в другом ведомстве.

Звали его Петром Куликовым. Девять лет он кормил буровиков, последние три командовал кухней. В анкете против специальности стояло «станочник широкого профиля». Павел переспросил, и Куликов, не обижаясь, объяснил, что училище кончил ещё до армии, а на кухню попал из-за зубов. В первую вахту разболелся коренной, щека вспухла, на мороз выпускать побоялись, поставили чистить лук. Пока привезли сменщика да вывезли в город, он выучился кормить сорок человек из одной кастрюли.

— А сюда почему?

— Внучка перестала меня узнавать. Приезжаю, она у меня сдачу просит, думает, я доставку привёз.

Лешин тем временем сунул шапку под мышку. Яйца упали. Одно Павел подхватил ботинком, как в детстве мяч, и, пока оно лежало в ямке над шнуровкой, все трое смотрели вниз, боясь шелохнуться. Другим концом коридора прошёл новый директор по производству. Так они и увидели друг друга впервые. Директор, высокий, в расстёгнутом пальто, с чистой каской под мышкой, и начальник четвёртого цеха, который стоял на одной ноге, держа на другой куриное яйцо.

— Не помешаю? — спросил директор.

— Уже всё, — сказал Павел.

Он вернул яйцо хозяину. У того осталась на пальцах чёрная полоска крема для обуви. Лешин хотел её стереть о штаны, потом пожалел штаны и спрятал руку в карман. Ему было восемнадцать лет и четыре дня. На работу разрешили выйти сразу после дня рождения. Четыре дня ушли на врачей.

В раздевалке им достался один шкаф на двоих. Куликов распахнул обе дверцы, примерился плечами и сказал, что у себя на севере в таком жил. Лешин полез было искать вторую вешалку, но осёкся, увидев внутри шкафа детскую фотографию. Белобрысый тоненький младенец сидел голой задницей в траве. У фотографии заворачивался правый уголок.

— Можно сдеру?

Павел помнил хозяина шкафа. Толя Важенин умер ещё весной, и жена, когда забирала вещи, рассердилась на него почему-то за три шерстяных носка, два серых и один красный. Чего зря чужое таскал, сказала. Красный она бросила тут же на лавку. А фотография, видно, пряталась за толстовкой.

— Отдай мне.

Лешин отделил снимок краем пропуска. На обороте шариковой ручкой было написано «Толька, 1971». Павел-то думал, внучка. Он унёс младенца к себе и сунул в прозрачный кармашек календаря, где обычно хранил автобусное расписание. Оттуда выглянула одна пятка.

Директор ждал у него в кабинете. Пальто он сложил на коленях подкладкой наружу. К пальто был пришит лоскут белой ткани, а на нём синими чернилами аккуратно выведено «Семён Беляев». Вещи с такими метками Павел в последний раз держал, когда собирал сына в летний лагерь.

— Гостиничная прачечная, — пояснил Беляев, перехватив взгляд. — У меня вчера сперва была фамилия Бабаев. Вернули.

Он говорил тихо, и с первой фразы Павлу пришлось закрыть дверь в коридор, где два электрика с удовольствием обсуждали чей-то развод.

— Вы в Москву в пятницу отправили прогноз на январь. Хотелось бы понять одну вещь. У вас было двадцать шесть человек на участке, и вы давали такую цифру. — Он перевернул лист, на обороте которого была напечатана гостиничная квитанция. — Теперь тридцать один, и цифра та же. Просто объясните, я приехал вчера.

— Три ученика, один после перерыва, один Савельич. Пятерых приняли. Двое из двадцати шести будут их учить. У меня сейчас минус один.

Беляев нарисовал на обороте квитанции семь палочек, обвёл пять из них и подумал. Прищур у него был такой, будто он сидел перед меню без очков.

— Савельич до четырёх, — подсказал Павел.

— Это который себе в договор машину вписал?

— Ему её вписал я.

— Хорошо. У меня сын заговорил после четырёх лет, я его три года возил на занятия. Тогда было гораздо проще с работы отпроситься. Тут закрыли. Вот эти два молодых человека с яйцом. Сегодня они что сделают?

— Хотите посмотреть?

Павел ожидал чего угодно, вплоть до «я вас первый спросил», но Беляев встал, взял с подоконника привезённые им самим защитные очки и пошёл. Пальто оставил на стуле. За дверью он достал из уха крохотный белый наушник и спрятал в карман. Говорить стал громче.

Парней Павел отыскал возле старого кухонного стола, обитого по краям алюминием. Там Савельич устроил ученикам площадку для приёмки заготовок. Из ящика со вчерашней партией он отобрал пяток чугунных чушек, небольших, с мужскую ладонь, на каждой остался гребешок по разъёму формы. Положил рядом рукавицы, красный мел и большую лупу, каких теперь и в школе не сыщешь. К лупе была привязана верёвка. Сцену эту Павел мог бы предсказать до слова. Ученики возьмутся хватать чугун, а Савельич предложит сперва проверить стол. У стола короткая нога, под ней давно лежала сложенная втрое прокладка. Вынь прокладку — перекосит, придави у края тяжёлой железкой — всё посыплется тебе на ботинки.

Куликов вдруг наклонился, подёргал прокладку, оторвал полоску от упаковочного картона и подклинил её плотнее.

— Это ты как догадался? — с досадой спросил Савельич.

— Борщ, — сказал Куликов. — Налей на шатком столе сорок тарелок.

Старик покосился на Павла. Урок у него украли, но улыбка вылезла сама.

— Ладно. Теперь скажи мне, повар, которую забракуешь.

Куликов отступил, давая дорогу Лешину. Парень по очереди поднял каждую заготовку, будто в магазине выбирал авокадо, и ткнул мелом в третью. На боку тянулась глубокая извилистая черта. Старик обвёл её ногтем и попросил показать на соседней. Лешин нашёл. На четвёртой тоже нашёл. На всех пяти черта загибалась одинаково, и от неё отскакивал крохотный усик. Дефект отливочной формы перешёл с неё на всю партию, но в этом месте лишний металл

потом уходил в обработку. Чушку с раковиной парень пропустил. Раковина сидела под самым бортом, а ученик смотрел сверху. Он присел, чтобы не брать чугун лишний раз в руки. Снизу от самого края к нему глянула узкая чёрная ноздря.

— Подпишешь акт? — спросил Савельич.

— Теперь подпишу.

— А ты знаешь, как меня зовут?

Лешин знал. Он даже запомнил отчество, только никак не мог решиться, что здесь уместнее — Савельевич или Савельич. Старик тихонько взял у него мел.

— Подписывать оно тебе рано. Говоришь, что увидел. Я расписываюсь. За это мне деньги платят, а то я бы дома спокойно футбол смотрел.

— По утрам биатлон, — сказал Куликов.

Беляев дослушал до конца. Когда они с Павлом вышли, он оглянулся на стол.

— Красиво работает дедушка. Сколько у него на это ушло?

— Минут десять.

— По вашим глазам вижу, сейчас скажете, что сэкономили в сто раз больше. А если дать ему сразу шестерых? Против двух?

Павел сбился с шага. Это был толковый вопрос. Он-то приготовился к дурацкому и даже заготовил ответ. Лекции по приёмке они могли вести хоть для школьного класса, в механосборочном стояли пустые парты. Начальник отдела обучения в октябре на пенсию ушла, но парты никуда не делись.

— Я бы дал и восьмерых. На два часа утром. На практике всё равно к каждому нужен свой человек.

— Давайте попробуем. Покажете мне к вечеру, сколько смен удалось вернуть.

И только когда Беляев ушёл, Павел сообразил, что речь шла о разных вещах. Он говорил о двух часах, в которые старик успеет выучить ещё шестерых. А директор в эти два часа уже успел поставить в график людей, освободившихся от обучения. Павел взял с полки чистый бланк сменного задания и записал в верхней строке шесть фамилий. Имя Лешина подчеркнул. Провёл ручкой под «и», чтобы падавшее туда ударение сразу было видно. Взрослый мужик, а поймал себя на том, что ни разу за день не назвал его по имени. Раскрыл личную карточку. Илья.

К обеду выяснилось, что парты заняты. В учебный класс бухгалтерия сложила коробки с архивом. На двери прибили бумажку «Ответственная О. М.», и шесть человек, опрошенных Павлом, назвали шесть разных женщин. Ольга Михайловна, которую он сыскал последней, посмотрела на него с интересом.

— Громов, я зубной врач. Вы вообще куда звонили?

Он извинился. Она успела крикнуть вдогонку, что если к ней самого Громова от стоматолога направили, то после часу можно без очереди, у них отказ. Зуб у него и в самом деле побаливал. Павел провёл языком по ноющей десне и положил трубку. На бумажке внизу мелкими буквами значилось «ответственная О. М. за *доставку обедов*». Когда-то класс побывал ещё и буфетом. Он запер кабинет и пошёл просить ключ у уборщицы.

Через полчаса они с Куликовым таскали парты в раздевалку. Другого помещения не нашлось. До пересменки оставалось четыре часа, потом надо было всё убирать. На лавке у окна сидели двое из транспортного, чей грузовик стоял под разгрузкой. При виде парт оба поджали ноги. Один уставился на Куликова и сказал вдруг:

— Боцман!

— Здорово, Вить.

Транспортник поднялся, обхватил Куликова за пояс и оторвал от земли, будто примеривался, сколько тот весил. Оба засмеялись. Куликов полгода жил с Витькой в вагончике под Надымом. На пальце у Витьки было надето кольцо из чайной ложки, которую они тогда же

стащили из столовой. Он показал его Куликову, тот узнал узор и погрозил обратиться в полицию. Кольцо переходило из рук в руки. Один Лешин, увидев, что кто-то опять сел на первую парту, принялся перетаскивать вторую один. Павел поймал его за ворот.

— Тебе охота с первого дня грыжу получить?

— Зачем она мне? Вы же торопитесь.

— Я тороплюсь, я и потащу. С той стороны берись.

Самолётик на крышке парты Павел помнил с девяносто восьмого. Бомбы, падавшие к чернильнице, Хромова тогда переделала в зонтики: у каждой выцарапала ручку. Павел провёл ногтем по бороздке. Вчера Люда как раз отнесла Хромовой в ателье шторы подрубать.

— Начальник, ты чего там улыбаешься? — спросил Куликов.

— Вспомнил, кто мне начерталку сдать помог.

— Списали? — обрадовался Илья.

— Хуже. Объяснила.

За первым уроком Павел просидел полчаса. Ученики оказались на редкость разными. Девушка Ася на любой вопрос отвечала громко и сперва неверно, зато, когда разобралась с раковиной, сразу показала соседу, как повернуть заготовку к свету. Мужик старше самого Павла носил с собой тетрадку с надписью «Рецепты». Вместо столбика слов он нарисовал отливку в разрезе, потом вытащил ластик и принялся стирать из тёмной штриховки белую, неровную полость. Старик-Савельич заглянул через плечо и попросил оторвать лист: больно хорошо вышло, на следующий раз пригодится. Мужик густо покраснел. Меж тем Илья, которому полость показали первому, успел повернуться спиной и подохотить одного из шофёров рассказать про ложку.

Павел хотел его одёрнуть. Потом увидел, что парень смотрит на чужие часы. Его новые, выданные сегодня рукавицы лежали на парте рядом с тетрадкой. Ни ручки, ни карандаша у Ильи не было. Павел положил рядом свою ручку, отодвинул тетрадь и заметил на тыльной стороне парты ряд цифр. Илья успел записать их ногтем в пыли. В половине пятого дочь того самого Вити заступала в «Медтехнике» и подменяла мать, а у матери было полтора свободных часа, и она, кажется, могла что-то передать через проходную. Они с шофёром договаривались шёпотом, по складам, как на рыбалке через реку. Речь шла про ингалятор. Мать Лешина свой разбила и сегодня лежала дома.

— Телефон есть? — спросил Павел.

Парень вжал голову в плечи.

— Пропуск в кармане, телефон в шкафчике. Я помню.

— У меня в кабинете городской. Ступай позвони. Потом с Петром догонишь.

Илья вскочил, на ходу снял с чужой парты часы и тут же водрузил обратно. Пока за ним хлопала вторая дверь, Витя поднял брови.

— А ты добрый стал, Павел Сергеевич.

Павел удивился, что шофёр знает его отчество, и с запозданием узнал в нём грузчика, которому когда-то выписал взыскание за уход со смены. Ничего доброго в том решении не было. На место Вити пришлось самого Павла ставить, и под утро он подписал то, что ему подсунули. Им бы ещё тогда поговорить. А теперь Витя уже надел куртку. Он подцепил варежку стальным крючком от молнии, помахал ею на прощание и ушёл.

В два часа в электронной таблице отдела планирования против каждой новой фамилии появилась единица. До обеда у четверых стояло по половине, двоих вообще не учитывали. А в ячейке напротив Савельича возникла красная тройка. Павел сперва решил, что это третий разряд. Оказалось, смена. Старику поставили первую ночь января.

Плановик прислал ссылку на совещание. Ниже мелко приписал: «Можно голосом не подключаться». Павел взял листок с графиком и поднялся по лестнице на четвёртый этаж. В малой переговорной он увидел Беляева одного. Тот сидел к окну спиной, перед ним во всю ширину

стены шла гряда лиц. Внизу справа знакомо моргал сам Павел — его фотография, снятая в отделе кадров на белую дверь.

— А вот и четвёртый, — сказал Беляев.

С экрана на живого Павла посмотрел пожилой мужчина, у которого всё время сползала с переносицы чёрная оправа. За ним мелькала детская домашняя пижама в зелёных лягушках. Увидев, что камера включена, ребёнок застыл и попятился из кадра.

— Хорошо, что вы пришли. Семён, у меня один вопрос к начальнику участка. Сколько из тех ста шестидесяти шести часов, которые вам вернули, вы в состоянии закрыть до праздников?

Павлу придвинули микрофон. Он сел на стул и надел очки. По строчкам таблицы, начиная с двадцатого декабря, синим шли часы, якобы высвобожденные укрупнением учебных групп. Субботы и воскресенья тоже попали под укрупнение. К часам дневных занятий кто-то прибавил часы, отведённые новеньким на самостоятельную работу в вечернюю смену. Внизу, под чертой, вышло сто шестьдесят шесть. На одну полную взрослую ставку.

— Шестнадцать, — сказал Павел. — Или восемнадцать, если пятница целиком.

— Где остальные?

Вместо ответа он раскрыл перед камерой график, но на экране получился белый лист, на котором плавали синие жилки его пальцев. Беляев убрал лист и сам подвинул ноутбук.

— Пальцем покажите. На моей клавиатуре.

Павел положил палец на строку. Прикосновение переместило по экрану крошечный квадрат, обведённый красным. Пока он вёл квадрат по субботам и объяснял, его собственная фотография висела внизу неподвижно и глядела на него снизу вверх с каким-то совсем уж дурацким доверием.

— Почему ваш второй наставник стоит в ночь, если он оформлен только в день? — спросил мужчина в очках.

— Вот это и я хотел узнать.

— Секунду, это мой недосмотр, — сказал Беляев. — Перебросили человека автоматически. Сейчас поправлю.

Он взял мышь. Красная тройка исчезла. Три чужие ночи между двадцать шестым и двадцать девятым вдруг стали щербатыми. В каждую ночь оставался один обученный рабочий при двух необученных. И всё трое на разных местах. Павел надавил пальцем на экран там, где стояли фамилии.

— У вас здесь Илья, — сказал он. — Красным его сделайте.

— Почему красным?

— Потому что я хочу его утром живого сдать матери. Он сегодня впервые брак увидел. Тут же ногтем на парте зарисовал, чтобы запомнить.

Только произнеся это, Павел вспомнил, что парень записывал совсем другое. Смешал от волнения два обстоятельства, и из них вышла удобная, складная неправда. Илья с полостью разобрался быстрее остальных. И за больную мать не заслужил, чтобы его, как дурачка, разбирали по селектору. Павел не любил передумывать вслух. В цеху все такие минуты отлично слышали и запоминали.

— Погодите. Это я ерунду сказал. Толковый он парень. Стажировки у него нет. Вот что у вас должно быть красным.

В комнате затихло. На экране мужчина снял очки. Вид у него оказался старый и усталый, а за плечом снова показалась зелёная пижама. Мальчик в лягушках молча протянул ему футляр.

— График вы сверьте между собой, — сказал мужчина. — У меня вагон с двадцать девятого до третьего на путях стоять не будет. У меня дома вон тоже график. Всем добрый вечер.

Экран потемнел. Из всей гряды лиц ещё несколько секунд держался плановик, пока не сообразил, что сидит один.

Беляев сказал:

— Понимаете, почему я просил вас прийти к вечеру? Теперь будем до вечера объяснять, что мы имели в виду.

— Вы же рядом стояли, когда дед показывал раковину. Своими глазами смотрели.

— И что? Вы мне все эти ночи будете каждую заготовку показывать? Мне выдали завод с пустой проходной и полным портфелем. Все очень хорошо знают каждого мальчика по имени, уважают, у кого какой договор, кто кого лечит. А на вопрос, что делать с вагоном, почему-то следует отвечать мне.

Павел снял очки. Заушник оставил на виске больную полоску, как после тесной шапки.

— Порожняком отправьте.

— Красивый ответ.

— Половину до праздников, половину после. Вы нам чугун на два вагона привезли за одну неделю, а до того полмесяца не возили. Так в ведомости и поставьте. Пять дней мы у пустых стеллажей ходили.

Беляев достал из кармана пропуск, прислонил к столу и отпустил. Карточка шлёпнулась фотографией вниз.

— Если бы я сюда приехал неделю назад, я бы мог об этом разговаривать. Сегодня я прозевал эшелон на пять дней ещё до того, как мне выдали вот эту штуку. Мне предлагаете с этого начать?

— Свою дату рядом поставьте. Я свою поставлю. За понедельник и вторник моя будет, в понедельник стеллажи уже были полные.

Беляев повернул карточку лицом кверху. На фотографии он был в очках. Над переносицей две резкие складки, а в жизни на этом месте гладко. Фотографировали его, когда он пытался прочесть что-то слишком близко поднесённое.

— Ладно, Громов. Слушайте меня точно. Один стажёр с одним опытным может выйти в ночь?

— На одно место. На соседнее другое звено надо.

— Если переставить участок?

— Людей переставить можем. За одну ночь научить ходить сквозь перегородку мы пока не умеем.

— Вот и отлично. Сделайте мне схему с перегородкой. Чтобы я послал её человеку, который считает, что место номер сорок один рядом с сорок вторым, потому что он в школе считал до ста. Во сколько вы уходите?

— Сегодня, похоже, вместе с вами.

Беляев кивнул. От самого окна до двери Павла не отпускал запах, тёплый, пряный, будто кто-то прошёл с булочкой. И только у двери он заметил под столом разутую ногу в шерстяном носке. На батарее за директорской спиной сушился ботинок. Ещё одна мелочь, о которой по видеосвязи никому вовек не догадаться.

План висел в коридоре за стеклом. Четыре года назад слесари пожаловались на грохот, поставили перегородку. На плане между сорок первым и сорок вторым всё ещё можно было пройти насквозь. Павел взял два листа в клетку, начертил пролёт, провёл синим дорожку до двери и обратно. Восемь лишних клеток. И слесарь за стенкой зова от станка не услышит.

За дверью пикнул электронный замок. Куликов привёл назад шесть учеников, уже одетых, разгорячённых уроком. За ними шёл Савельич с пустым пакетом из-под хлеба. В пакете лежала чугунная чушка.

— Зачем домой тащишь?

— Дай отвезу. У Гали на кухне дверь гуляет, кошка пролезает, сволочь, в мусор. Закрыли бы, она пружину открывает.

— Подожди. По пропуску её всё равно не пронесёшь. Я тебе из дому упор привезу. У меня от лоджии остался.

Старик глянул в пакет с сожалением.

— Хорошая, тяжёлая. Её хоть кошкой обложи, не сдвинешь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.